

12. О потомственном почетном гражданине Степане Федоровиче Чрелаеве // ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции 1881–1916 гг.). ДП-5. Оп. 127. Ч. 2. Ед. хр. 4885.Ч. 3. 44 л.
13. О состоящем под негласным надзором полиции Павле Михайловиче Юхневе 31 января 1895–1899 гг. // ГААК. Ф. 248 (Барнаульское окружное полицейское управление 1865–1896 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 3. 48 л.
14. Об отставном поручике Владимире Фрессере // ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции 1881–1917 гг.). ДП-5. Оп. 127. Ч. 1. Ед. хр. 2323.14 л.
15. Переписка с В.О. Костюриным. Письма В.О. Костюрина // ГАВКО. Ф. 631 (С.Н. Герасимов). Оп. 1. Ед. хр. 181. 9 л.
16. Переписка Семипалатинского городского полицейского управления о политическом ссыльном Александре Александровиче Леонтьеве // ЦГАРК. Ф. 523. (Семипалатинское городское полицейское управление Министерства внутренних дел). Оп. 1. Ед. хр. 9. 28 л.
17. Сведения по губерниям и областям. По Томской губернии // ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции.) 1898 г. Д. 9.Ч. 32. 37 л.
18. Справочные листки об обвиняемых в государственном преступлении // РГИА. Ф. 1405. (Министерство юстиции). Оп. 540. Ед. хр. 16. 297 л.
19. Справочные листки об обвиняемых в государственном преступлении // РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 540. Ед. хр. 54. 300 л.
20. Справочные листки об обвиняемых в государственном преступлении // РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 540. Ед. хр. 59. 300 л.
21. Хотимский Ю. Евгений Петрович Михаэлис // Михаэлис Евгений Петрович. 1841–1913. Краеведы Восточного Казахстана. Усть-Каменогорск: КГП «Областная газета «Рудный Алтай», 2007. С. 9–25.

УДК 908(092)(470-17)“189/192”

Л.П. Рощевская

Изучение приарктической территории России в конце XIX – начале XX в. политическим ссыльным В.В. Бартевым

Аннотация. Изучение приарктической территории России политическим ссыльным В.В. Бартевым в конце XIX – начале XX в. показано как пространство культуры. Объектом исследований были национальный состав, культурно-образовательный уровень, языковые особенности, народная музыкальная культура, религиозные представления населения, проблемы проникновения на Север торгово-промышленного капитала. Северное краеведение стало основным направлением его исследований и сутью общественной активности в с. Обдорск Тобольской губернии и в

г. Архангельск. Выявлены неизвестные ранее публикации, показано как воспринимали современники труды В.В. Бартенева.

Ключевые слова: культурное пространство, национальный состав, культурно-образовательный уровень, языковые особенности, народная музыкальная культура, религиозные представления, Архангельское общество изучения Русского Севера, с. Обдорск.

L. P. Roshchevskaya

Study of the Russian Arctic territory by the political exile V.V. Bartenev in the late XIXth – early XXth centuries

Annotation. Study of the Russian Arctic territory by the political exile V.V. Bartenev in the late XIXth – early XXth centuries is presented as a space of culture. The objects of research were ethnic composition, cultural and educational level, language features, folk music culture, religious views of the population, problems of commercial and industrial capital penetration into the North. Northern Regional Studies became a main direction of his research and the essence of social activity in Obdorsk village of Tobolsk Province and in the city of Arkhangelsk. Previously unknown publications are revealed, the contemporaries' perception of V.V. Bartenev's works is shown.

Keywords: cultural space, ethnic composition, cultural and educational level, language features, folk music culture, religious views, Arkhangelsk Society of the Russian North Study, Obdorsk village.

Север издавна притягивал внимание первопроходцев российского государства и исследователей. Особую группу новоселов составляли репрессированные. В статье речь идет об одном из репрессированных участников общественного движения 1880-х гг. – переходного времени от народничества к первым марксистским объединениям. Новые люди отражали сменяющие друг друга культурные формы. Наблюдалось стремительное протекание разных культурных процессов, как тенденция культурной динамики. Постоянно и повсеместно на севере происходило проникновение новых элементов в самые разные социальные и культурные практики севера, формирование и развитие нового культурного пространства. Культурное пространство выступало

как ареал, в котором могла реализоваться творческая деятельность индивида и в то же время как ареал, создающий новые культурные ценности.

Единственное на земном шаре поселение на Полярном круге ныне является городом Салехард, а до 1933 г. это было село Обдорск. Село входило в Березовский округ Тобольской губернии. Поселение на Полярном круге как пространство творческого освоения реальности относится к таким явлениям, которое формировалось творческой деятельностью индивидуума.

В то же время новые поселенцы уже имели сложившийся образ пространственных ориентиров, у них сформировалось разделение на «свое» и «чужое», что впоследствии вылилось в оформление национального, социального единства пространственного сосуществования. Приспосабливаясь к меняющейся действительности, на основе готовых вариантов решения создаются новые. Новое культурное пространство, имея собственные ориентиры, формирует и обновленный менталитет [28].

Одним из таких репрессированных стал студент Петербургского университета, участник революционного движения Виктор Викторович Бартнев (5(17).07.1864, Костромская губ. – март 1920, Архангельск). Сын известных общественных деятелей, студент юридического факультета Петербургского университета Виктор Бартнев активно участвовал в научно-литературном обществе университета (1882–1887 гг.), был членом нескольких студенческих объединений. Он изучал политэкономию, обсуждал политические проблемы, вел пропаганду в военной и рабочей среде. Круг его общения включал дворянскую среду, демократически настроенных студентов, рабочих и военных. В кружках был приобретен опыт общения, ведения диспутов. Как вспоминали очевидцы, «высокий, тощий, со впалой грудью и падающей на лоб прядью черных волос, с суровым взглядом близоруких глаз, мрачно смотревших через дымчатое пенсне, он вечно вел полупшепотом таинственные разговоры [...]». Достаточно было взглянуть на него, чтобы безошибочно причислить к «нигилистам» [16]. С весны 1886 г. юноша попал под надзор полиции. В 1891 г. В.В. Бартнева арестовали. Департамент полиции распорядился ввиду особой политической неблагонадежности водворить его в наиболее отдаленные местности

края на четыре года [34, 14. Ф. 330. Оп. 1. 1878. Д. 20/3. Л. 1183–1884].

Точные сведения о ссыльном села Обдорск (1891–1895 гг.) содержит его статейный список, из которого видно, что В.В. Бартечев близорук, прослушал курс в Петербургском университете, но не держал выпускного экзамена. Отец пытался облегчить участь сына: сохранилось его ходатайство о переводе сына по болезни на юг Тобольской губернии. Но в прошении было отказано. Ссыльного ежедневно навещали стражники. Их донесения гласили, что ссыльный поведения прекрасного и может считаться вполне благонадежным, «отличного поведения, крайне скромный, трудолюбивый». Березовский исправник подтверждал, что Бартечев ведет себя безукоризненно [14. Ф. 152. Оп. 1892. Д. 54].

После окончания ссылки Виктору Бартечеву запретили жить в университетских городах [14. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 1–5]. Он уехал в Псков к матери, которая также находилась в ссылке, сдал выпускные экзамены за университет, служил по акцизному ведомству, жил в Пскове, Торопце и Опочке.

В 1908 г. Бартечев переехал в Архангельск, стал активистом Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС), сотрудником журнала АОИРС. В феврале 1914 г. его избрали товарищем председателя общества, затем ввели в комиссию по разработке анкеты о влиянии войны на жизнь населения губернии, назначили редактором Известий (июнь 1917 г. – декабрь 1919 г.), делегировали от АОИРС в северный отдел Русско-американского комитета и избрали в Совет трудовой интеллигенции. Он участвовал в выборах в Учредительное собрание по списку кадетов, в октябре 1918 г. стал членом Архангельской городской думы [29, с. 10]. Отчеты АОИРС показывают, что преданный краеведческому делу с высоким чувством ответственности, Бартечев часто выступал по многим первостепенным проблемам севера, сопоставляя положение коренного населения Западной Сибири и Европейского Севера.

В период белогвардейского правления он не приостановил краеведческой деятельности, за что расстрелян после восстановления Советской власти.

В литературе история деятельности В.В. Бартечева выяснена не полностью. В советской литературе обращали внимание на

роль его родителей в общественном движении, т. к. они участвовали в создании русской секции I Интернационала в Женеве в 1869–1870 гг., а мать, Екатерина Григорьевна – в Парижской Коммуне, позже – в оппозиционном движении. Авторы стремились показать Виктора Викторовича одним из первых марксистов России [36, 15]. Между тем, его деятельность по изучению севера России помогает воссоздать культурную панораму с. Обдорск в 1890-х гг. охарактеризовать деятельность как исследователя и как одного из активистов Архангельского общества изучения Русского Севера.

Одним из первых обратил внимание на большую информационную основу исследований Бартенева бывший народник С.П. Швецов: Бартенева «немало страниц отводит зырянам, остякам и самоедам [...]». Его наблюдения касаются как бытовой, так и экономической сторон жизни всех народностей и их взаимоотношений с русскими обдорянами», что Бартенева «дает широкую картину жизни Обдорского края и в частности его русского населения. В ней экономика перекрещивается с этнографией, естественноисторические особенности края с его культурой, общественная организация с просвещением населения» [40].

Попытка дать объективную характеристику Бартенева сделана в Поморской энциклопедии. Историк Ю.В. Дойков считает расстрел проявлением карательной политики большевиков [16]. Доктор филологических наук Т.Г. Иванова исходит из принципа, что в конце XIX в. развитие фольклористики и этнографии шло рука об руку с революционным движением и в этом ряду воссоставляет некоторые этапы биографии В.В. Бартенева [22].

Сложные перипетии жизненного пути предопределили группировку использованных источников. Во-первых, это исследования В.В. Бартенева. Во-вторых, делопроизводственные документы надзорных ведомств, характеризующие условия сибирской ссылки. В-третьих, мемуарная литература, отражающая активную деятельность Бартенева в студенческих кружках 1890-х гг., в обдорской ссылке и в псковский период. В.В. Бартенева одним из первых обратился к характеристике с. Обдорск как уникального ареала пространства культуры.

Задача данного сообщения заключается в выявлении опубликованных работ Бартенева и включении их в научное использование. Архивные документы и мемуарные источники

позволяют сравнить разные этапы и направления творчества репрессированного, что было связано с четким территориальным и социальным разграничением условий жизни. Разнообразные интересы определялись обстоятельствами жизни в Обдорске и Архангельске, умении использовать любые возможности для выяснения специфики регионов севера и условий жизни коренного населения.

В упомянутом выше студенческом научно-литературном обществе Петербургского университета, в котором участвовал Бартенева, было решено изучать жизнь родных мест студентов, природную и культурную среду. Для этого были составлены списки известных программ для собирания сведений и наблюдений по геологии и климатологии, флоре и фауне, по землевладению, кустарным промыслам, юридическим обычаям, народным песням и поверьям, о состоянии народного образования, религиозных верованиях, памятниках старины и т. д. Устаревшие и вышедшие из продажи краеведческие публикации исправили, а некоторые переиздали. Часть программ даже составлена заново членами общества. Вместе с профессором историком И.М. Гревсом Бартенева вел переговоры о создании и публикации программ по сбору краеведческих материалов [12].

В Обдорске Бартенева оказался в положении одиночки. Незнакомая социокультурная среда сильно отличалась от дворянской городской культуры, в которой он воспитывался. Очувшись почти в полной изоляции от привычного круга общения, ежедневного получения различной информации, бесед с разными людьми, чтения книг и журналов, ссыльный потерял эти возможности, а следовательно, не мог перерабатывать информационные потоки и развивать собственное мировоззрение. Переписку постоянно перлюстрировали.

Суровая природа сибирского севера побудила нового жителя внимательно наблюдать условия жизни местного населения, что явилось для него своеобразным импульсом для сопоставлений и источником информации. Новая среда поражала иными традициями, бытовыми традициями и интересами. Результатом многолетних наблюдений стал главный труд В.В. Бартенева монография «На крайнем северо-западе Сибири» [7, 25], содержащая многогранную характеристику культурного пространства севера Западной Сибири: описание села, занятия населения, на-

циональный состав, культурную жизнь, кратковременные визиты путешественников. В книге 15 разделов. Можно выделить несколько основных проблем: этнографическая характеристика населения, проникновение на Север торгово-промышленного капитала, религиозные, преимущественно языческие, представления, языковые особенности. В соответствии с традициями своего времени Бартенев отдельные части книги предложил редакциям газет и журналов. Писал под псевдонимами Б-в, В.; Б-ъ, В.; В.Б.

Село, основанное в 1595 г., расположено на правом берегу р. Полуй почти под самым северным Полярным кругом недалеко от впадения Полуя в Обь. 1616 верст отделяли Обдорск от Тобольска и 290 верст от окружного центра Березов. Летом связь с внешним миром поддерживали по Оби, а зимой на оленях. «Дикие и непривлекательны окрестности Обдорска: кругом бугристая моховая тундра с изредка встречающимися перелесками из корявой низкорослой березы», – писал ссыльный в книге. «Если подъезжать к Обдорску по Оби, а затем по Полую, то еще издали можно увидеть этот городок, красиво и бойко расположенный на крутом и высоком мысу, выдающемся в Полуи». Всего виднее были две церкви.

Монотонная жизнь оживлялась несколько раз в году. Самым крупным событием была ярмарка в конце декабря, когда съезжались самоеды (ненцы), ханты с пушным и другими товарами. 10–15-го января приезжали тобольские купцы или их доверенные. 10–14 сентября уходил последний пароход, нагруженный рыбой. Уехали пароходы, и снова затихает «северная столица».

Прежде всего, ссыльного заинтересовало количество постоянных жителей. Бартенев писал, что в 1860-х гг. здесь не считывалось и 200 жителей, в том числе всего 6 зырян (коми). По переписи, произведенной в ноябре 1891 г. местным врачом, в селе проживало 876 чел., в том числе 459 мужчин. За четыре года ссыльный изучил почти все явления местной жизни и культурной среды.

В.В. Бартенев увидел пестрый национальный состав. Как юрист он обратил внимание на правовые вопросы взаимоотношений, юридическое положение русских в инородческой среде, черты уголовного права остяков и др., привел сведения о демографических изменениях за 30 лет.

Зырян, живущих в городе, называли ижемцами. В Обдорск в середине 1860-х гг. они приезжали сначала для торговли, с 1870-х гг. стали селиться постоянно, к 1890-м гг. составляли добрую треть населения, и вскоре уже играли большую роль в местной жизни. Занимались они, как и русские, торговлей и рыбной ловлей. Бартенев одним из первых обратил внимание на значительное участие торгующих зырян в экономике. Среди них было немало плотников, кузнецов, печников и других кустарей-ремесленников. Кроме зырян оседлых были еще и кочующие зыряне-оленоводы.

Таким образом, Бартенев впервые проанализировал зырянский вопрос, выяснил, как возникла коми диаспора на севере Западной Сибири, и охарактеризовал ее.

Осветил В.В. Бартенев и проблемы кочевых народов Севера. Причиной вымирания малых народов он считал бедственное экономическое положение и эпидемии: «та кабала, в которой находится значительная часть остяков, сильно отражается на их экономическом благосостоянии». Сплошная неграмотность, по его мнению, является одной из причин экономической отсталости края.

Исследователь был сторонником так называемой эволюционной школы в этнографии. Идеи этой школы, проводимые Л.Г. Морганом, М.М. Ковалевским и другими видными учеными XIX века, сочетались у Бартенева с демократическими традициями русской общественной мысли. Для того времени это была прогрессивная буржуазная школа. Не всегда его оценки были объективными, но он отстаивал право народов на самостоятельное развитие.

Главным для Бартенева стал национальный вопрос с культурологической и языковой позиций. Вскоре он пришел к выводу, что русские не являются доминирующей национальной диаспорой в Обдорске.

Таким образом, как новый житель, Бартенев увидел в укладе жизни обдорчан такие особенности, на которые прежде не обращали внимания, описал их и сделал достоянием исследователей. В его трудах удачно показано, что культурное пространство включает: пространство личности, природы, социума, города, национальное пространство, а фактически обдорский социум представлял собой межнациональное пространство.

Характеристику культурно-образовательного уровня жителей автор начал с описания деятельности школ: действовали сельское и миссионерское училища. Он писал о том, что преподавание вели на русском языке, который не понимали остяцкие дети.

Значительным событием культурной жизни стала организация библиотеки при сельском училище в 1894 г., что вызвано кроме обще-просветительских задач, ещё и необходимостью «поддерживать русский язык в населении, живущем постоянно среди инородцев, могущем постепенно одичать». Библиотека довольно бедная, признавал ссыльный. Преобладали детские книги и беллетристика, причем отсутствовало большинство классиков: Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова, Н.В. Гоголя и многих других. Большую часть книг для взрослых составляли романы, изданные как приложения к иллюстрированным изданиям. Позже в ИАОИРС появилась информация, что при Обдорской миссии открыт этнографический музей, «довольно содержательный по численности и качеству коллекций»; библиотека для взрослых и детей, занимающая одно из лучших зданий; действуют переводческая комиссия и кружок изучения крайнего северо-запада Сибири [21, 1910. № 8. С. 55].

Характеристику культурной жизни автор дополнял сведениями о круге чтения зажиточной части. Большую часть читателей составляли ученики, громадный процент – зыряне. Из этого наблюдения автор сделал вывод, что библиотека имеет значение преимущественно для русификации края.

В Обдорске выписывали разные периодические издания, являвшиеся гордостью российской периодики: «Русская мысль», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Северный вестник», «Восточное обозрение», «Живописное обозрение» (1893–1894 гг.). Выписывали газеты «Неделя», «Правительственный вестник», «Нива», «Иллюстрированный мир», «Ремесленная газета», Тобольские губернские ведомости (часть неофициальная), Тобольские епархиальные ведомости, всего до 40 разных изданий, а некоторые журналы по два экземпляра. Толстые журналы получали и читали преимущественно представители интеллигенции или промышленники из зырян. Четыре зырянина выписывали «Сибирский листок» и разные иллюстрированные

периодические издания. Один, единственный по всему Березовскому краю, получал «Вестник рыбопромышленности» и оплатил для сельской библиотеки подписку на журналы «Вестник воспитания» и «Русская школа».

Несмотря на бедность библиотеки, жизнь ссыльного, по словам современника, проходила «у стола, заваленного книгами». Круг чтения отражает текст монографии со ссылками на популярные журналы «Русское богатство», «Русская мысль», на статьи С. Южакова, С.В. Максимова, В.И. Семевского и др.

Образованное общество было очень малочисленно: заседатель, писарь, приходский и три миссионерских священника, доктор, фельдшер, акушерка, учитель сельской школы, а также несколько купцов и рыбопромышленников. Эта характеристика подтверждается воспоминаниями знакомого Бартенева: студент «нашел учеников в лице местного исправника, священника и двух рыбопромышленников, которым читал рефераты о теории Дарвина, о законах социального прогресса, о французской революции и т. д.» [16].

К местной интеллигенции Бартенева относил «элемент случайный – административно ссыльных из интеллигентной молодежи». Суровые природные условия сибирского севера России отчасти объясняли незначительное количество ссыльных на север Западной Сибири. С конца 1870-х гг. правительство сослало 15 человек. «Выгодной стороной» Обдорского края служило то, что туда почти не ссылали уголовных преступников. Большую часть ссыльного срока Бартенева был единственным репрессированным в селе. Но ему удалось собрать данные о количестве и составе других изгнанников.

Непродолжительное время, с марта 1893 до 28 января 1894 гг., здесь жил народник А.И. Бородзич (1866–1941 гг.), высланный в 1887 г. на пять лет в Березов. В ссылке он участвовал в различных протестах, за что был переведен в Обдорск. В 1893 г. А.И. Бородзич составил программу изучения Обдорского края, главным образом о жизни остяков (хантов). После освобождения он даже получил разрешение на посещение края для сбора данных о быте остяков. Последние годы жизни он провел в г. Сольвычегодск Вологодской губернии. Потомки сумели сохранить его архив и часть личной библиотеки [11].

Судьба и общественные задачи интеллигенции в России волновали Бартенева на протяжении всей жизни. Интересны его рассуждения о значении и специфике российской интеллигенции. Интеллигенцию Бартенева называл «мозгом страны», подчеркивал, что интеллигенцией делает «приверженность к умственным и общественным интересам». Отличительной особенностью интеллигента, по его мнению, являлось стремление создать «более широкий круг интеллигенции», «осуществить значение интеллигенции в окружающей среде». Бартенева считал, что достойными представителями интеллигенции являются ученые, которые не держат знания «только про себя, под спудом, но очень умело» популяризируют их. Отличительной особенностью ученого, по его мнению, является культурная деятельность, работа «систематически изо дня в день, из года в год». Такая работа может быть результатом только «глубокого убеждения в полезности», она требует «серьезной предварительной подготовки». «Даже те кто, как класс более инертны [...] и мало патриотичны, в обществе становятся интеллигенцией». Бартенева проводил идею плодотворности служения интеллигенции общему благу: «Наша небольшая интеллигентная семья должна дружнее сплотиться [...] для полезной работы на родном Севере» [21, 1918. № 10–12. С. 22].

В самом конце ссылки Бартенева в 1894 г. привезли руководителя духоборческого движения Петра Веригина. Один из жителей города И.П. Росляков по этому поводу заметил: «Политических к нам давно уже перестали посылать. Последний из них приехал в Обдорск года за два перед этим и теперь доживал уже последние дни срока своей ссылки». Росляков описал встречу Бартенева и Веригина следующим образом: «Возможность увидеть нового интеллигентного человека, поговорить с ним, услышать от него разные новости, касающиеся нашего общественно-го и политического движения, проникавшие к нам очень скупо и редко, – все это положительно не позволяло мне оставаться дома. После минутного колебания, я решил пойти к бывшему тогда у нас, уже упомянутому выше политическому ссыльному В[артеневу], вполне основательно предполагая, что вновь приехавшие остановились у товарища [...]. Когда я пришел, то застал спор уже в полном разгаре. Высокий, сухой, на длинных тощих ногах, одетых в пимы из оленьих лап, В[артенев] нервно,

как маятник, метался взад и вперед по комнате, размахивая руками и дымя папиросой, а налево [...] на простом деревянном стуле со спинкой, спокойно вытянувши ноги, облокотясь на край стола, сидел очень плотный и солидный мужчина [...]. На метавшегося по комнате Б[артенева] насмешливо смотрели пронизательные карие глаза [...]. Предметом спора был вопрос о непротivлении злу. Б[артенев] с горячностью доказывал, что это чепуха, что это выдумка Толстого ни на чем не основанная и притом далеко неновая. Что сами последователи этого принципа постоянно противоречат ему, то и дело отступают от него и что даже пассивное сопротивление, которое они все же оказывают злу – все-таки сопротивление. Пассивность же сопротивления чаще всего является источником нового зла, становится почвой для его проявления и беспрепятственного процветания и т. д. Петр Васильевич, в сущности говоря, не спорил, а только поддерживал разговор» [20].

Из описания этой сцены очевидно, что Бартенев имел собственное мнение об одном из основных постулатов религиозно-философского учения Л.Н. Толстого 1880-х гг.

Но подобные дискуссии случались редко. На фоне однообразия повседневности значительными событиями становились визиты путешественников. Посетивший Обдорск еще до Бартенева директор Екатеринбургской обсерватории метеоролог Г.Ф. Аббельс опубликовал статьи о климате и гидрологии села [39]. В 1894–1895 гг. вначале проезжал врач для ознакомления с санитарно-гигиеническими условиями жизни рабочих на рыбных промыслах, а позже – ихтиолог Министерства земледелия для исследования нужд рыбного промысла и качества переработки рыбы.

Самым интересным и значимым для Бартенева стало посещение профессора судебной медицины Казанского и Харьковско-го университетов, крупного миссионера А.И. Якобия. Бартенев отмечал, что за последнее время Обдорск часто упоминается в периодической печати по поводу поездки туда проф. Якобия с целью выяснения причин вымирания инородцев (остяков и самоедов).

Якобий в 1890 г. занялся изучением вымирающих инородческих племен русского севера, описывал санитарные условия, быт, экономику обследованных народностей, а также политику

по отношению к этим народностям. В 1894–1895 гг. он совершил поездку на север Тобольской губернии и пытался организовать миссионерские посты на этой территории [37]. Почти месяц он знакомился с документами и библиотекой Тобольского губернского музея [17], затем выехал в Обдорск, где провел несколько месяцев, а 14 ноября 1894 г. отправился в Надым.

Посещение профессора явилось событием культурной жизни не только Обдорска. На обратном пути Якобий вновь задержался в Тобольске, чтобы в марте 1895 г. выступить на заседаниях Тобольского физико-медицинского общества, Тобольского епархиального братства Дм. Солунского и музея [18]. В Ежегоднике Тобольского губернского музея, газетах «Тобольские епархиальные ведомости» и «Сибирский листок», а позже в монографии «Угасание инородческих племен Севера» (СПб., 1900) он опубликовал свои размышления о поездке и ее результатах.

Бартенев дал высокую оценку взглядам Якобия: «Я имел удовольствие познакомиться с ним в прошлом году в Обдорске и не могу удержаться, чтоб не сказать несколько слов об этом замечательном человеке». «Во всех его словах и действиях сквозит горячая любовь к дикарям, желание поднять их и защитить». «Пламенный, чисто юношеский энтузиазм и горячий идеализм этого человека минувшего поколения идет рука об руку с трезвенным отношением к делу и умением верно оценивать людей». Якобий, в свою очередь, благосклонно отозвался об исследованиях Бартенева.

Новые реалии потребовали осмысления увиденного на севере. Он пришел к пониманию пространства как пространства бытования культуры. У ссыльного возникла идея оформить свое видение «чужого» мира в научное исследование.

Автор подчеркивал, что экономика села зависит от других местностей, главным образом Тобольска [6]. Бартенева признавал, что влияние губернского центра вносит изменения в экономическую и бытовую жизнь. Русские занимались рыболовством и торговлей, скупая у самоедов пушнину, а затем перепродавая ее тобольским купцам. Второй тезис звучал следующим образом: экономическая жизнь зиждется на торговле пушниной и рыбном промысле. Торговую деятельность автор характеризовал как меновую и кредитную и делал отсюда вывод: «сколько

бы остяк ни уплачивал, все остается и даже нарастает его бесконечный долг».

Перспективы для оживления экономики Бартенева видел, во-первых, в соединении мелких промышленников в артели, в развитии пароходства, создании промысловой инспекции. Мелких и средних промышленников Бартенева считал «самой здоровой частью населения».

Многоязычный состав побудил Бартенева заняться проблемой межязыкового общения: он составил остяко-русский словарь, оставшийся в рукописи, на которую дал отзыв один из профессоров Казанского университета. Статью «О русском языке в Обдорском крае» снабдил небольшим словариком диалектных слов. Современные филологи считают, что Бартенева высказывал предположение об обско-угорском происхождении этих слов [32]. Совместно с сыном рыбака И.П. Росляковым, который был выслан из Москвы, Бартенева подготовил статью об Обдорском наречии остяцкого языка [9]. Отзыв о статье дал проф. Казанского университета, член-корреспондент финского литературного общества Гельсингфорса Н.И. Андерсон.

«Постоянное общение с инородцами привело к тому, что почти все русские обдоряне хорошо, почти без всякого русского акцента говорят по-остяцки, по-самоедски и по-остяцки между собой. Наоборот, по-русски выражаются с акцентом инородца». Остяки же вообще очень плохо понимают по-русски, а самоеды и вовсе не знают русского языка.

Коми дети почти все читают и пишут по-русски, в противоположность своим родителям, почти сплошь «неграмотным и довольно плохо владеющим русским языком». Автора удивляло, что процесс обнородчивания замкнулся только на заимствовании языка русским населением, а ассимиляции городского русского населения и инородцев не происходит. Браки с зырянами не оказывают влияния на язык, так как «скорее зыряне перенимают русский язык, чем наоборот» [1]. Таким образом, население представляет собой довольно чистый великорусский тип, что нельзя сказать о других поселениях крайнего севера [35].

Разделы о религиозных представлениях Бартенева опубликовал в журнале «Живая старина» [4] и в Ежегоднике Тобольского губернского музея [5]. Автор увидел в представлениях ханты

о грехе и преступлении две группы: одни касались грехов против общества и другие – против воли божеств. Особенностью хантейской религии он считал полное разграничение этих областей. Преступления против общества не касаются сверхъестественных сил, зато всякого рода нарушения религиозных запретов жестоко преследуется духами. К числу грехов такого рода Бартенева относил нарушение присяги, кражу вещей покойника с кладбища, жертвенных мест, запрещение женщинам ездить по священным озерам, чистить и резать отдельные породы рыб и т. д.

Под влиянием В.В. Бартенева и И.П. Росляков занялся описанием похоронных обрядов остяков [33].

Еще одной сферой деятельности В.В. Бартенева стали наблюдения за погодой. При этом в публикации он сумел вставить неизвестные ранее данные о роли политических ссыльных в организации наблюдений за погодой. Политический ссыльный Щегинский построил на высоком берегу р. Полуи беседку, откуда открывался прекрасный вид на водные просторы Оби, а жители ежегодно собирались в ожидании первого парохода весной и для проводов последнего осенью. «На видном месте [находится] будка с инструментами для метеорологических наблюдений – Обдорская метеорологическая станция, учрежденная лет 15 тому назад».

Бартенева изложил историю создания и деятельности станции, причем данные были настолько интересны, что их почти полностью опубликовали в Известиях Западно-Сибирского отделения Русского географического общества: «Правильные наблюдения, производимые в срочные часы И.А. Гервасием, с вознаграждением 15 руб. в месяц от Морского ведомства, начались лишь со второй половины октября 1882 г.; инструменты, приобретенные на средства Главной физической обсерватории [...] установлены на высоте 3,4 м от земли. Вследствие трудности приобретения строевого леса, столбы будки настолько тонки, что инструменты подвержены более или менее сильным потрясениям. В марте 1884 г. г. Гервасий уехал и передал производство метеорологических наблюдений М.А. Цукерману, которому помогал иной раз его товарищ Клодеев. В сентябре 1887 г. директор Екатеринбургской обсерватории Г.Ф. Абельс, ревизуя Обдорскую метеорологическую станцию, нашел инструменты хорошо уста-

новленными и на том же месте, куда они были перенесены г. Цукерманом в 1884 г. В ноябре г. Цукерман оставил Обдорск и его место заступил г. Духович. Инструменты остались на своих местах. В июне 1890 г. Зеленский, помогавший и раньше г. Духовичу вести наблюдения, принял от него окончательно станции» [10]. Перечисленные политические ссылки народные были студентами Петербургского, Киевского и Новороссийского университетов. Бартенева продолжил наблюдения за погодой, а И. Росляков стал заведующим метеорологической станций.

Как видно из сочинения Бартенева, культурная жизнь во многом оживлялась благодаря репрессированным.

Воспитанный в дворянской семье, Бартенева не был чужд музыкальных занятий. Современники вспоминали, что он обучил нескольких обывателей песням, которые знал, а полицейский исправник навеселе иногда распевал революционные песни [16]. В Псков он привез понравившуюся многим песенку «Как сел комар на дубок, на дубок, на дубок», которую пели хором [24].

Бартенева занялся изучением народной музыкальной культуры, стал записывать песни, которые слышал, и запоминать мелодии. Позже он отмечал, что в Обдорске распевают даже «занесенные ссылными студентами-хохлами» песни. «О простоте напевов можно судить по тому, что проф. В.В. Эвальд, который записал с моего голоса 24 напева, успел выполнить эту работу в каких-нибудь три часа», – отмечал Виктор Викторович [3].

Когда Бартенева переехал в Архангельск, музыкальная жизнь города была довольно активной: действовали музыкальное общество, общество любителей музыки, кружок хорового пения, музыкальная школа, Архангельское отделение Императорского русского музыкального общества. Концерты давали оркестр и хор песенников резервного батальона, традиционными были отчеты музыкальных классов и бесплатных летних музыкальных курсов для народных учителей и учительниц [41].

Бартенева ввели в состав комиссии Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС) по собиранию и сохранению древних народных песен [30, с. 70]. Комиссия ставила своей целью собирание памятников словесного и музыкального народного творчества, выработку наставлений для собирателей, организацию хора исполнителей древних народных песен, широкую

пропаганду сохранения древних музыкальных и словесных произведений.

В Архангельске Бартенев издал 24 песни, записанные в Обдорске [2]. Он считал Обдорск своеобразным гнездом «массы любопытнейших остатков старинного песенного творчества», причем имел в виду не тексты, а именно напевы; выделил протяжные песни с неопределенным напевом, которые назвал архаическими. Почти все эти песни были записаны Дютцшем и Истоминым в Олонецкой и Архангельской губерниях и которые сам Бартенев слышал на Летнем берегу Белого моря. Вторая группа протяжных песен с определенным напевом широко распространена по всей России. «Они часто распевались на студенческих вечеринках и их популярность и общеизвестность в значительной степени создана студентами, несмотря на все стеснения, которым подвергалась учащаяся молодежь». При жизни Бартенева музыковеды оценили сборник как оригинальное произведение, а записи величальной песни с зачином «Не шелкова ниточка» сравнивали с произведениями Н.А. Римского-Корсакова. По мнению Т.Г. Ивановой, Бартенев предложил собственную классификацию великорусских народных песен [23].

Летом 1916 г. В.В. Бартенев выступил с докладом о значении собирания и распространения народных песен, проявив музыкальные познания о народных песнях в нескольких губерниях [8]. По его словам, в обрядовых песнях сохранились народные нравы, обычаи и поверья. Современное значение народных песен он видел в высоких музыкальных достоинствах и призывал всемерно заниматься ее распространением. Бартенев считал, что исторически песня возникла в высших слоях общества – в дружинах и боярских кругах, т. к. в песнях часто и много упоминаются князья, терема, роскошная одежда. Затем песня «спустилась» в народные низы. Но неблагоприятные условия бытования песен, вызванные «гонениями религиозно-аскетического направления», стеснение молодежных вечеринок и влияние «трактирной цивилизации» привели к появлению особого жанра народной песни – частушкам [21, 1916. № 9. С. 378–379].

По результатам выступления Бартенева песенная комиссия приняла решение о подготовке методического пособия по сбору народного песенного фольклора [26]. Были разработаны составленные им, по-современному говоря, методические рекоменда-

ции, опубликованные в Известиях общества и дополнительно в 500 отдельных оттисках. В 1919 г. на одно из собраний комиссии были приглашены учителя губернии, съехавшихся на курсы пения. Перед учителями с докладом о русской народной песне также выступил В.В. Бартенева [31, с. 5].

Таким образом, благодаря Бартенева сохранено несколько лучших образцов народного музыкального творчества.

В Обдорской ссылке Бартенева проявил себя активным, живым собеседником и стал центральной фигурой не только колонии, но и местной интеллигенции. Создание библиотеки при училище, вероятно, можно объяснить отчасти инициативой нового ссылного.

Уместно отметить, что интерес к библиотекам, как форме общественной деятельности, был присущ этой семье. Супруга Виктора входила в правление созданной в Пскове в 1898 г. городской общественной библиотеки. В 1916 г. занялась описанием книг и карт АОИРС (240 карт, 21 план и 42 рукописи) [30].

Один из университетских знакомых, встретивший Бартенева позже, вспоминал: «По натуре тихий и кроткий, В.В. Бартенева был меньше всего революционером. В ссылке он [...] понял, что сам он не создан для революционной деятельности. К тому же он путем долгих одиноких размышлений пришел к выводу, что Россия, больше, чем в революции, нуждается в просвещении, и поставил целью своей жизни просветительную работу в провинции» [27].

Имеются доказательства общественной инициативы ссылного в других областях. Местный врач по его рекомендации хлопотал о разрешении прочесть популярную лекцию о борьбе с эпидемиями. Только год спустя, когда в Тобольской губернии свирепствовала холера, была прочтена тем же врачом популярная лекция, выслушанная обдорянами с большим интересом и «вызвавшая с их стороны принятие разного рода мер». Под влиянием этнографических занятий Бартенева рыбопромышленник фотограф-любитель И.А. Рочев стал фотографировать «типичных инородцев, а иногда и интересных русских».

Более важным событием культурной жизни был возникший среди немногочисленной интеллигенции проект устройства школы с интернатом для остяцких детей. Бартенева писал, что в миссионерской школе священники не знают остяцкого языка, а дети

– русского, в результате преподавание в миссионерской школе равно нулю и в ней не учится ни один инородец. Поэтому в проекте предполагалось ввести занятия на остяцком языке. Составленную И. Росляковым остяцкую грамматику священник-миссионер переписал, и сам начал по ней учиться. Однако осуществить этот проект не удалось, потому что отсутствовала законодательная основа, да и мечтатели больше говорили, чем делали.

Еще одна инициатива, в которой участвовал Бартенева – создание рыболовецкой артели, что он считал «желательным исходом для мелких промышленников». Он был уверен, что русскому народу присущ коллективизм, который проявлялся в форме артелей. Это доказывают его ссылки на работы историка В.И. Семевского об артелях золотоискателей. В своих выступлениях в Архангельске Бартенева также постоянно возвращался к артелям.

Оказывал Бартенева и юридические услуги. Примером положительного результата апелляции Бартеневым был курганский помещик из ссыльных И.Д. Второв [14, Ф. 152. 1892. Д. 55. Л. 88].

Таким образом, В.В. Бартенева проявил себя как наблюдательный, тонкий исследователь и как инициатор нескольких общественных мероприятий.

Книга В.В. Бартенева привлекла внимание современников. Положительная оценка работы бывшего ссыльного и поддержка его позиций была изложена в передовой статье газеты Тобольские губернские ведомости. Одна из статей В.В. Бартенева названа «интересной во многих отношениях для выявления вопроса о положении Севера Тобольской губернии». Газета подчеркивала, что автор – «человек частный, не мог руководствоваться никакими побочными соображениями, не мог быть пристрастным к администрации, торговцам и инородцам. Статья – введение к более полной работе, которую автор обещает, и которая посвящена борьбе крупной формы промышленности и мелкой в области рыбного промысла в низовьях Оби». Далее редакция приводила выдержки из работы Бартенева, в которых главная идея заключалась в следующем утверждении: «Основа экономической жизни – торговля пушниной и рыбный промысел». После рассказа о ярмарке газета подвела итог, что все тоболяки покупают пушнину у самоедов через обдорцев. Только два купеческих клана торгуют непосредственно с самоедами и

увозят товар в Ирбит. «Мелкие торговцы находятся под двойным прессом», большинство торгуют в кредит. В следующих номерах (№ 23, 24, 25) газета перечислила и другие проблемы, поднятые в работе Бартенева, и делала вывод, что сопоставление мнения Бартенева и записок тобольского губернатора о Севере подтверждает выводы Бартенева.

О выходе книги «На крайнем севере Сибири» информировал журнал «Живая старина» [19]. «Псковский городской листок» писал, что очерки «написаны очень интересно и живо» и обладают большими достоинствами. Богатое содержание книги позже использовали в популярных книгах для чтения [25]. Продолжением исследования Бартенева явилась работа Обдорского священника В.Н. Герасимова [13].

Таким образом, исследование В.В. Бартенева стало явлением культуры, а опубликованный материал имеет большую научную ценность.

Тот факт, что первоначальный интерес к краеведению Бартенева получил от «отца» русского краеведения историка И.М. Гревса, безусловно содействовал его неослабевающему интересу к истории и этнографии края и активной деятельности в Обществе изучения Русского Севера в Архангельске. Человек, выброшенный из привычного пространства культуры, вынужденный находиться в новом, порой чуждом, культурном пространстве, перерабатывал его и создавал культурную «вторую природу». Около 30 публикаций В.В. Бартенева в центральных и местных изданиях содержат характеристику истории, культуры и быта населения севера Западной Сибири и Европейской России, конкретно-исторические и этнографические выводы и явились крупным вкладом в изучение приарктических территорий России.

В Сибири и в Архангельске, находясь в новой среде, вынужденно вписывая себя в окружающую действительность, Бартенева жил в состоянии «сотворения» культурного пространства и в определенной степени формировал оценочные ориентиры. Бартенева внес вклад в описание данного культурного пространства и его работы рассматриваются как уникальные источники.

Список литературы и источников

1. Бартенева В. О русском языке в Обдорском крае // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 126–129.
2. Бартенева В. Обдорские песни (с нотами). Архангельск, 1914. 17 с.
3. Бартенева В. Обдорские песни // ИАОИРС. 1914. № 20. С. 673.

4. Бартенов В. Погребальные обычаи Обдорских остяков // Живая старина. СПб., 1895. Вып. III–IV, отд. IV. С. 487–492.
5. Бартенов В. Понятия обдорских остяков о грехе // Ежегодник Тобол. губ. музея. Вып. 5. Тобольск, 1895–1896. С.9–12. Отд. оттиск. Тобольск: тип. Тобол. епарх. Братства, 1896. 4 с.
6. Бартенов В.В. Концентрация торгово-промышленной жизни на крайнем северо-западе Сибири // Новое слово. 1896. № 8. С. 22.
7. Бартенов В.В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб.: Типо-литография М.Ф. Пайкина, 1896.
8. Бартенов В.В. Очередные задачи при собирании и распространении русской народной песни // ИАОИРС. 1918. № 3–4. С. 77–80.
9. Бартенов В.В., Росляков И. П. Обдорское наречие остяцкого языка. Ред.: Андерсон Н. // Известия С.-Петербургской Академии наук, 1896.
10. Брейтигам П. Материалы для климатологии Западной Сибири и Степного края. О температуре воздуха. 2. Обдорск, 1882– [18]90 гг. [Бартенов В. Температура воздуха в Обдорске. 1882–1890 гг. Письмо из Обдорска в редакцию] // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XVI. Вып. II–III. Омск, 1894. С. 11–13.
11. Бровина А.А. Библиотека провинциального интеллигента конца XIX – первой половины XX века (Апполинарий Иосифович Бороздич) // Экология, образование, наука, культура: состояние и перспективы развития: Сб. тез. I Междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов. Архангельск, 2001. С. 93–96.
12. Враская О.Б. Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова по изучению города // Археографический ежегодник за 1981 г. М.: Наука, 1982. С. 303–315.
13. Герасимов В.Н. Обдорск. Исторический очерк. Тюмень: Тип. «Сибирской торговой газеты» (А.А. Крылова), 1909. 88 с.
14. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГА в г. Тобольске).
15. Деятели революционного движения в России. Т. 5. Социал-демократы. 1880–1904. Вып. 1. А–Б / Сост. Корольчук Э.А., Левин Ш.М. 1931. – XXVI с., 582 стб., [1] с.
16. Дойков Ю.В. Архангельские тени. (По архивам ФСБ). Том I (1908–1942). Архангельск, 2008. 480 с. // <http://arhisповедniki.ru/> (режим доступа 27.08.2015).
17. Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1894. Вып. 2. С. LVIII.
18. Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1898. Вып. 9. Отд. отт.
19. Живая старина. 1896. Вып. 20. С. 258.
20. И.Р. [Росляков И.П.] Воспоминания о П.В. Веригине. Записки политического ссыльного / под ред. и с примеч. В.Д. Бонч-Бруевича // Материалы к истории и изучению русского сектантства. [Женева], 1901. Вып. 1. С. 201, 204–205.
21. Известия Архангельского общества изучения Русского Севера.
22. Иванова Т.Г. Виктор Викторович Бартенов – революционер, этнограф и фольклорист // Народная культура Сибири: Материалы XXI научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2012. С. 28.

23. Иванова Т.Г. Виктор Викторович Бартенев – революционер, этнограф и фольклорист // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 164–173.

24. Иеропольский К. Несколько дополнений к статье И. Книжника о Е.Г. Бартеневой // Каторга и ссылка. 1930. № 2. С. 175.

25. На крайнем северо-западе Сибири. Жизнь в Обдорске // Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник / сост. А. Клубер, С. Григорьев, А. Барков и С. Чефранов. М., 1903. С. 391–401.

26. Наставления для собирания народных песен и других произведений народной словесности и музыка. Архангельск, 1916. 11 с.

27. Оболенский В.А. Виктор Викторович Бартенев // Памяти погибших. [Сборник] Под ред. Н.И. Астрова и др. Париж, 1929. С. 170–172.

28. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 18 //).

29. Отчет о деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера за 1913 год. Архангельск, 1914. С. 10, 17.

30. Отчет о деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера за 1915 год. Архангельск, 1916. С. 11, 16, 70.

31. Отчет о деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера за 1916 год. Архангельск, 1917. С. 5.

32. Панченко С.В. Лексика хантыйского происхождения в русских письменных источниках конца XIX – начала XX века. Дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов <http://www.dissercat.com/content/> (режим доступа 06.09.2015).

33. Росляков И. П. Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1896. Отд. отт.: Тобольск: Тип. Тобольского епархиального братства, 1896. 9 с.

34. Российский Государственный исторический архив Москвы. Ф. 102. Д. 12. 1891–1895. Л. 8–9:

35. Роцевская Л.П. Русский язык и литература в диалоге культур города Обдорск Тобольской губернии конца XIX века // Русский язык и литература в современных культурных контекстах. Труды и материалы Международной научно-практической конференции. Тюмень, 30–31 октября 2015 г. Тюмень, 2015. С. 18–19.

36. Сибирская энциклопедия. 1921.

37. Софронов В.Ю. Северное миссионерство глазами современников // Сибирская Займка. История Сибири в научных публикациях <http://zaimka.ru/sofronov-missionary> (режим доступа 31.07.2015).

38. Тобольский север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / сост. Роцевская Л.П., Белобородов В.К. Екатеринбург: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1998. 432 с.

39. Уральская советская энциклопедия. Т.1. Свердловск, 1933. С. 26–27.

40. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 3 (40). С. 84.

41. Щуров Г.С. Архангельск – город музыкальный. Хроника событий музыкальной жизни г. Архангельска. 1820–1917 гг. Архангельск, 1995. 191 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы № 0412-2014-0022 «Документальные свидетельства научного освоения и изучения арктических территорий России в конце XIX – первой половине XX вв.».